

Ш а л я п и н и и у ф и м ц ы

О ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ ШАЛЯПИНЕ, замечательном певце, гордости русской оперной сцены, написаны сотни научных работ, тысячи исследований и статей. Уже сейчас о нем собрано такое количество печатных материалов, которые позволяют создать биографию жизни Шалаяпина с точностью до одного дня. И все же есть период в жизни великого артиста, о котором исследователи могут сказать сень и очень мало. Это — уфимский период жизни молодого Шалаяпина, период короткий, но определивший его призвание, оказавший громадное влияние на его решение просвятить себя сценической деятельности, утвердивший веру молодого певца в свои силы и способности.

До последнего времени единственным источником, по которому можно было проследить жизнь Федора Ивановича Шалаяпина в Уфе, являлась его собственная автобиографическая повесть «Страницы моей жизни». Других источников не было, и потому особенную ценность для всех тех, кто интересуется уфимским периодом жизни Ф. И. Шалаяпина, представляют материалы, поступившие недавно в Ленинградский театральный музей от инженера Ивана Ниловича Баскова.

Этот страстный почитатель шалаяпинского таланта, в течение многих лет собирав воспоминания современников о Федоре Ивановиче, газетные и журнальные рецензии на его выступления, записывал малоизвестные или забытые факты о его жизни. Среди громадного количества материалов, объединенных Басковым в одиннадцать альбомов, имеются воспоминания оперного певца, друга юности Шалаяпина Ивана Петровича Пеняева. Вышедшие в свет в 1903 году в Москве незначительным тиражом, они на сегодняшний день стали поистине уникальными. Во всяком случае в исследовательских работах, посвященных жизни и творчеству Ф. И. Шалаяпина, записки Пеняева даже не упоминаются. И лишь через шестьдесят лет, в шестом номере журнала «Москва» за этот год, вновь увидели свет отрывки из пеняевских воспоминаний.

Автор записок, провинциальный актер И. П. Пеняев, рисует яркую картину быта дореволюционного актерства, со скитаниями по городам и тропам, с неустроенной жизнью и вечной нуждой. Но особенно интересной является та часть его записок, где он рассказывает о своем знакомстве с Федором Ивановичем Шалаяпиным, о его первых шагах на артистическом поприще в Уфе в сезон 1890—1891 годов. Перед взором читателей проходят события давно минувших дней: постановка в Уфе оперы Моношюко «Галька», вердиевского «Трубадура», оперы А. Верстовского «Аскольдова могила». В этих спектаклях начинающий певец выступил с ответственными партиями Стольника, Фернандо и Неизвестного. Пеняевские записки а значительной степени дополняют сведения о первых выступлениях Шалаяпина в Уфе, известные из его автобиографической повести, дают им более объективную оценку.

Любопытно утверждение И. П. Пеняева, что уже после первой постановки оперы «Галька» Шалаяпин «вырастает на целую голову и приобретает всеобщее внимание». На молодого певца обратили внимание не только руководители и артисты труппы, но прежде всего уфимские любители музыки. Они сразу же заметили у него богатые природные голосовые данные, заложенные в самой натуре Шалаяпина сценическое дарование. Интерес к молодому певцу нельзя объяснить только прихотью публики, желавшей иметь своего кумира на один сезон, интерес этот был глубоким, доброжелательным, обоснован высокой музыкальной культурой и чутьем слушателей.

На первый взгляд такое утверждение может показаться странным: Уфа, захудалый, заштатный городишко, и вдруг — высокая музыкальная образованность слушателей. Между тем, это было так. К чести нашего города и его старожилы Уфа именно этим и отличалась от других провинциальных городов России. Чтобы подтвердить эту мысль, я сошлюсь на воспоминания довольно известного русского писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского, жившего в Уфе в середине 80-х годов прошлого века, т. е. на пять лет раньше, чем сюда приехал Ф. И. Шалаяпин. Вот что он пишет:

«Из маленьких домиков плыла музыка в тихие улицы. Я дивился, когда в скромной квартире чиновника, приказчика, служащего встречал рояль или пианино, скрипку и узнавал, что дети людей, живущих на 50—60 рублей в месяц, берут систематические уроки музыки. Были кружки, где музыка являлась серьезным содержанием жизни. В один из таких кружков я попал вскоре по приезде и начал получать приглашения на квартеты — квартеты, которые бы сделали честь и столице... Прозвело и пение... Нашлись прекрасные голоса, уже при мне была поставлена опера «Аскольдова могила», с хорошим исполнением местными силами, а после моего отъезда образовалось нечто вроде маленькой консерватории, и начали систематически исполняться отрывки из опер.

Музыка давно прижилась в Уфе, вошла в нравы, в быт, успела слюжить традиции...».

Из этого отрывка видно, что в Уфе были люди, которые по-настоящему могли понять, какой талант заложен в Шалаяпине. Они наверняка интересовались его жизнью, сочувствовали его горькой судьбе и искренне хотели помочь юноше. Почитатели Шалаяпина не были разобщены, их связывала друг с другом безграничная любовь к музыке, их связывало Общество.

О музыкальном прошлом нашего города написано немало статей, но авторы их почему-то не замечали или не хотели замечать деятельности уфимского Общества любителей музыки, пения и драматического искусства. А между тем в прошлом ему

принадлежит большая роль хотя бы в просветительской деятельности, в пропаганде русской классической музыки. К нашему счастью, в фондах Башкирской республиканской библиотеки имени Н. К. Крупской сохранились любопытные документы, по которым можно проследить историю возникновения Общества и деятельность его членов. Это «Устав уфимского Общества любителей музыки, пения и драматического искусства» и печатные годовые отчеты правления Общества с 1885 по 1900 годы. Из них мы узнаем имена основателей и постоянных активных членов общества в течение многих последующих лет. Это прежде всего сестры М. Я. и Е. Я. Барсовы (Елена Яковлевна Барсова — по мужу Цветкова — впоследствии стала выдающейся певицей, «жемчужиной русской оперной сцены», как ее называл журнал «Советская музыка»), В. Д. Паршина, М. Д. Брудинский и многие другие, не менее славные люди, которым мы должны отдать дань уважения за их беззаветное и бескорыстное служение искусству. За время своего существования Общество дало сотни концертов, на которых звучала музыка Даргомыжского, Глинки, Гурилева, Верстовского, Чайковского, Лысенко, Рубинштейна, Моношюко, читались отрывки из произведений Тургенева, стихи Некрасова, Грибоедова, Курочкина, Никитина, ставились пьесы Гоголя и Островского, инсценировались рассказы Чехова. О художественных вкусах и устремлениях членов Общества можно судить по следующей фразе из отчета за 1889 год: «Излюбленными композиторами, не считая А. Г. Рубинштейна, в честь юбилея которого был устроен 18 ноября 1889 года вечер исключительно из его произведений, являются родные нам композиторы М. И. Глинка и А. С. Даргомыжский».

Члены Общества вели большую благотворительную работу. Им не раз устраивались платные концерты, сборы от которых полностью шли на помощь неимущим выпускникам уфимской гимназии, собирающимся поступать в высшие учебные заведения. При горячем участии членов Общества поступила в Московскую консерваторию Елена Яковлевна Барсова. Не получая достаточной помощи от небогатой семьи, девушке, конечно, трудно было учиться, и тогда на общем собрании членов Общества было решено сбор от очередного спектакля полностью переслать ей. «Приношу как всему Обществу, так и членам исполнителя мою искреннюю благодарность. Буду счастлива, если хотя когда-нибудь мне удастся в свою очередь отслужить тому Обществу, которое теперь так участвовало ко мне отнеслось», — писала Елена Яковлевна уфимцам, получив от них 141 рубль 25 копеек. **)

Несомненно и то, что уфимское музыкальное Общество объединяло людей с прогрессивными взглядами. Демократичность их устава, репертуар любительских спектаклей, для того времени не только смелый, но и дерзкий, постоянные стычки членов кружка с хозяевами Уфимского дома дворянского собрания, нашедшие отражение в отчетах — все говорит в пользу этого утверждения. Не случайно, наконец, что правительственные замечания к любительскому уставу, кстати просмотренному отзывленным реакционером товарищем министра внутренних дел сенатором Плева (убитым впоследствии нашим же земляком Егором Сазоновым), оговаривали: «Драматические представления допускаются в Обществе не иначе как с разрешения местного полицейского начальства... Представителю полиции на каждый спектакль или представление назначается соответствующее кресло в помещении Общества». Не в большом фароре было уфимское Общество у властей, иначе как с подобных примечаний не нужно было бы в устав.

ВОТ С ЭТИМ кружком и пришлось столкнуться Федору Ивановичу Шалаяпину, когда он остался в Уфе. Первое его знакомство с членами Общества состоялось приблизительно в середине марта 1891 года, когда труппа Семенова-Самарского, окончив свои гастроли, разъехалась. Юноша остался один в чужом городе. Деньги быстро таяли, подходящей работы не находилось. Федор Иванович начал было уже впадать в отчаяние, когда однажды к нему на квартиру явился некто адвокат Рындзюнский, которого Шалаяпин не раз до этого видел в театре. «Он объяснил мне, — пишет Шалаяпин в своей повести, — что местный кружок любителей искусства затевает устроить спектакль-концерт и рассчитывает на мое благосклонное участие. Я был польщен, обрадован, немедленно согласился, начал усердно готовиться к спектаклю».

Из воспоминаний И. П. Пеняева мы узнаем, что «предполагалась к постановке третья картина первого акта оперы «Демон» (Синадал, слуга и хор) и сцена из собора из оперы «Фауст». За немением исполнителей партий слуги и Мефистофеля члены Общества обратились к Шалаяпину, который к их удовольствию согласился выступить в этих ролях».

Работа предстояла большая, но Шалаяпин не жалел себя, отдавая всей душой любимому делу. Большую помощь в подготовке ответственных партий оказывала ему В. Д. Паршина, выпускница Петербургской консерватории по роялю и по классу пения. Елпатьевский называет ее первой учительницей музыки и пения Шалаяпина. К сожалению, мы очень мало знаем об этой женщине. Известно только, что ее отец, местный чиновник Д. Н. Севостьянов играл первую скрипку в оркестре Московского Большого театра. У В. Д. Севостьяновой (по мужу Паршиной)

** Интересно, что Ф. И. Шалаяпин через пять лет встретился с Е. Я. Цветковой. Они вместе выступали на сцене Мамонтовского театра в 1896—97 годах в ансамблевых ролях Маргариты и Мефистофеля в «Фаусте», Антонины и Сусанны в «Иване Сусанине», Татьяны и Гремлина в «Евгении Онегине», Наташи и Мельника в «Русалке», Ярославны и Владимира Галицкого в «Князе Игоре», Ольги и Грозного в «Псковитянке».

в Уфе было много учеников и учениц. В течение четырнадцати лет со дня основания Общества она принимала участие во всех концертах, исполняя и вокальные партии, и музыкальные произведения на фортепиано. Несколько лет она возглавляла правление Общества и его музыкальное отделение. В годовых отчетах не раз с благодарностью упоминается ее имя за активное участие в концертной деятельности.

Времени для репетиций оставалось мало, концерт был назначен на 7 апреля, как вдруг «вследствие кончины ее высочества великой княгини Олены Федоровны означенный вечер был отменен». Спектакль был перенесен на новый срок, но и здесь уфимцам не повезло. «Последовавшая затем кончина его императорского высочества великого князя Николая Николаевича — повлекла за собою отмену платного вечера, назначенного в пользу Общества на святой неделе 25 апреля...» Концерт перенесли на 6 мая. Неожиданно выехала из Уфы любительница О. Ф. Гржибовская, исполнявшая роль Маргариты в сцене из «Фауста», и Федору Ивановичу предстояло выступить лишь с ярней Мефистофеля. К этому времени в Уфу приехала труппа П. П. Абрамова-Полторацкого, снявшая городской театр для своих спектаклей. Члены кружка обратились к Абрамову-Полторацкому с просьбой также принять участие в концерте, договорились уступить им на один вечер театр за 50 рублей, заказали и расклеили афиши. Имени Шалаяпина на них не было, в этом концерте он выступал под фамилией Прозорова*).

Наступил день концерта, день, когда Шалаяпин впервые выступил на сцене в роли Мефистофеля. Это было 6 мая 1891 года в Уфе. Уже тогда Шалаяпин покорила слушателей исполнением этой партии. «Любители, публика и даже сам председатель уездной земской управы очень хвалили мой голос, говорили, что у меня есть способности к сцене и что мне нужно учиться. Кто-то предложил собрать денег и отправить меня в Петербург или в Москву учиться, потом решили, что лучше мне не уезжать из Уфы, а жить здесь, участвовать в любительских спектаклях и служить в управе, где председатель даст мне место рублей на 25—30. Я буду петь и служить в управе, а тем временем доброжелатели мои соберут кучу денег на мою поездку в столицу для учения», — писал впоследствии Шалаяпин об этом концерте.

Но свой замысел уфимские почитатели шалаяпинского таланта не смогли осуществить. Ему действительно дали место в управе, сбор денег, вероятно, проходил более или менее успешно, изыскивались и другие средства, во всяком случае через некоторое время Федору Ивановичу еще раз категорически подтвердили решение Общества отправить его учиться, но Шалаяпин неожиданно покинул Уфу. Сказалась здесь и молодость с ее нетерпением, и присущая натуре Шалаяпина анархичность, и скучная служба в управе, и серенькая жизнь, полная нужды и постоянных забот о хлебе насущном. В один из майских дней, взяв в управе ссуду в 15 рублей, он ночью, никому не открывшись, отправился на пристань, сел на паром и уехал в Казань.

ТАК ОКОНЧИЛСЯ уфимский период жизни Федора Ивановича Шалаяпина, период рождения оперного певца, первых робких шагов на артистическом поприще. Он оставил в душе Шалаяпина след на всю жизнь. В книге «Душа и маска» он признался, что «Успех (имеется в виду успех в Уфе) окончательно укрепил мое решение посвятить себя театру». И к этой мысли его привела атмосфера доброжелательности, сердечности, искреннего сочувствия, созданная уфимскими любителями музыки.

С тех пор прошло почти семьдесят пять лет и мало что осталось в нашем городе в память о великом певце. В фондах уфимского художественного музея имени В. М. Неестерова хранится эскиз костюма одного из персонажей оперы «Юдифь». Его написал художник В. А. Серов по просьбе владельца частной оперы С. Мамонтова, собиравшегося ставить «Юдифь» на сцене своего театра. В опере одну из заглавных партий должен был исполнять Федор Иванович Шалаяпин. Для него, собственно, и готовились новые эскизы костюмов и декораций. Серовский эскиз — единственная вещь, хранящаяся в Уфе и так или иначе связанная с именем певца.

В краеведческом отделе республиканской библиотеки имени Н. К. Крупской до сего времени бережно хранятся отчеты о деятельности уфимского Общества любителей музыки, пения и драматического искусства, в котором упоминается имя Ф. И. Шалаяпина, принимавшего участие в работе вокального и драматического отделов. Правление Общества в отчете за 1891 год посчитало «своим нравственным долгом выразить глубокую благодарность всем лицам, принимавшим участие в его деятельности за прошедший сезон, в том числе Ф. И. Прозорову (любителю Ф. И. Шалаяпину)».

Вот и все, что осталось нам в память о Шалаяпине. Нет никаких сведений в виде хотя бы короткой заметки или решения за выступления Федора Ивановича на страницах единственной издававшейся в те годы в Уфе газеты «Уфимские губернские ведомости», не оставили нам памятных записок о Шалаяпине старожилы города. Возможно, в отделе предания и сохранились встные предания о выступлениях Шалаяпина, о деятельности уфимского Общества любителей музыки, но они до сего времени не стали достоянием широкого круга почитателей шалаяпинского таланта, местных краеведов. А собрат эти предания было бы очень заманчиво. Потому автор статьи и редакция обращаются ко всем читателям с просьбой, если имеются такие воспоминания, то сообщить о них. Может, это позволит еще глубже раскрыть одну из интересных страниц культурной жизни Уфы в прошлом, дополнить сведения о жизни замечательного самородка Федора Ивановича Шалаяпина.

Е. БИРЮКОВ.

* Воспоминания С. Я. Елпатьевского опубликованы в журнале «Советская музыка» № 6 (34) за 1925 год.

**) Прозорки из отчета за 1891 год. * Выдержка — девичья фамилия матери Шалаяпина — Авдотьи Михайловны.